

КОНТЕКСТ: ПРЕЗИДЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПАРЛАМЕНТ В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

П.В. ПАНОВ, К.А. СУЛИМОВ

СМЕНА ЛИДЕРА И ПРЕДЕЛЫ ПЕРСОНАЛИСТСКОГО ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВАРИАНТА «ПРЕЕМНИК» В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Смена лидера относится к разряду «вечных» политических проблем, поскольку деятельность любого политического (да и не только политического) лидера всегда имеет временные границы. Даже если какие-либо ограничения относительно срока его полномочий отсутствуют, люди смертны, и любой лидер рано или поздно оставляет свой пост. Мировая политическая практика знает самые разнообразные варианты решения вопроса, кто и каким образом должен его заменить, но проблема остается особенно актуальной для стран, переживших в недавнем прошлом (или переживающих) режимные трансформации, в силу чего практики смены лидера в этих странах неинституционализированы.

К этой категории относятся страны постсоветского пространства, применительно к которым в последние годы все чаще обсуждается такой вариант смены лидера, как «преемник». В широком смысле понятие «преемник» указывает всего лишь на сам факт смены лидера, т.е. на хронологическое измерение смены ли-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Институт преемника: модель воспроизводства власти и перспективы модернизации в современном мире», проект № 11-03-00198 а.

деров в плане «предыдущий – следующий» (английский аналог «predecessor – successor»), но в данном случае речь идет об иной, значительно более узкой коннотации, когда преемник – лишь один из вариантов смены лидера, для которого характерна вполне определенная качественная персональная связь между прежним лидером и новым¹. Нельзя не заметить, что такое словоупотребление уже стало вполне конвенциональным как в общественно-политическом, так и в академическом дискурсе [см., например: Макаркин, 2011; Борисов, 2011; Дахин, 2012; «Сумеречная зона» или «ловушки» переходного периода, 2013]. Специальный термин для обозначения такого варианта смены лидера – «handpicked successor» – утверждается и в английском языке [см., например: MacLachlan, 2003; Peter, Kopsieker, 2006; Southall, Melber, 2006].

Атрибутивный признак варианта «преемник» – качественная персональная связь между прежним лидером и новым – предполагает достаточно высокую степень политического персонализма. Очевидно, что «политический персонализм» сам по себе является сложным понятием, но в общем виде под ним можно понимать такую систему (способ) реализации власти, при которой определенный набор принципиальных политических решений замкнут на персону политического лидера, т.е. они не могут быть приняты без его участия в том или ином виде. Совершенно особенное место лидера в такой политической системе определяется как минимум в двух связанных, но все-таки отличающихся отношениях: объем его полномочий (формальных – по конституции и «реальных» – в соответствии с политической практикой) и его исключительный публично-политический статус, который находит свое выражение в связанных с лидером ожиданиях иных субъектов (общества и элит) и публичной ответственности, накладываемой на него. Кроме того, важной стороной политического персонализма является акцентированное персонально-личное участие лидера в принимае-

¹ Концептуально следует отличать термин «преемник» как вариант смены лидера от понятий «преемственность» (преемственность политического курса) и «преемничество» (устойчивый способ воспроизводства публичной власти в обществе).

мых решениях, в некоторых случаях интерпретируемое как доминирующее или даже исключаящее иных субъектов¹.

Разумеется, политический персонализм может обнаруживаться в любых политических режимах и формах правления, однако его наиболее явные проявления характерны для президентской (или полупрезидентской) формы правления, особенно в недемократических режимах. Именно такие режимы и формы правления утвердились в большинстве стран постсоветского пространства, особенно в Закавказье и Центральной Азии, и можно было бы ожидать, что действующие лидеры играют ключевую роль при решении вопроса о том, кто придет им на смену². Тем не менее политические практики в этих странах свидетельствуют, что смена лидеров здесь далеко не всегда происходит по варианту «преемник». Иными словами, в ситуации смены лидера политический персонализм обнаруживает некие пределы, т.е. он является необходимым, но недостаточным условием для реализации варианта «преемник».

В данной статье на основе сравнительного анализа случаев смены лидера в странах Закавказья и Центральной Азии предпринята попытка выявить ключевые факторы и условия, влияющие на формат смены лидера в условиях персоналистского президентализма. Эмпирическая основа работы – разнообразные экспертно-аналитические материалы, в первую очередь – серия экспертных интервью, которые были взяты авторами у исследователей, экспертов, политических деятелей и журналистов в ходе полевого исследования в странах Закавказья и Центральной Азии (за исключением закрытого для исследователей Туркменистана) в 2012–2013 гг.

¹ Следует заметить, что далеко не всегда к этому набору принципиальных решений относятся решения о кандидатуре следующего лидера. В США, например, довольно высокая степень замкнутости решений на президента не предполагает ни в ожиданиях, ни в полномочиях значимую роль прежнего президента в определении нового. Возможно, на этом основании концептуально следует развести понятия «политический персонализм» и «персонифицированность политики». Тогда для США будет характерна персонифицированность политики, а не персонализм.

² Собственно, именно так мы интерпретируем, например, российский случай реализации «варианта преемник» 2008 г.: высокая степень политического персонализма В. Путина проявилась в том, что он определил, кто будет следующим президентом, и это соответствовало общественным ожиданиям и входило в его «реальные» полномочия.

Смена лидера как политическое решение: Классификация вариантов¹

Прежде всего, следует отметить, что феномен смены лидера мы рассматриваем как принципиальное политическое решение. Под таким углом зрения ключевое значение приобретает ответ на вопрос, *кто является субъектом данного решения*. При этом необходимо учитывать, что «смена лидера» – сложное решение. Во-первых, логически оно состоит из двух «актов»: 1) решение по поводу «ухода прежнего лидера» (освобождение лидерской позиции); 2) решение о «приходе нового лидера» (замещение лидерской позиции). Разумеется, нередко эти два «акта» накладываются друг на друга и даже сливаются, но так бывает не всегда, и мы полагаем, что в случае «двухактности» ключевое значение имеет второй «акт», поскольку именно «приход» означает «смену лидера» как таковую, ибо без него процесс *смены* будет не завершен. Соответственно, при классификации смен лидера ориентироваться нужно в первую очередь на решение по вопросу о новом лидере, а решение по поводу «ухода» имеет второстепенное значение, мы обозначаем его как «нулевое решение».

Во-вторых, несколько составляющих («стадий») явно или неявно присутствуют и «внутри» второго акта. Если, например, новый лидер избирается, формально решение принимается в момент выборов. Очевидно, однако, что немало случаев, когда результаты выборов «*предрешены*», т.е. *фактическое* решение было принято раньше, а выборная процедура – это не более чем «*оформление*» уже принятого решения. Но даже если формальная сторона совпадает с фактической, это не снимает вопроса, так как до данного решения были другие, и не менее важные: решение о выдвижении (или самовыдвижении, номинировании, представлении и т.п.) кандидатуры будущего лидера, решения о его поддержке и т.д. Очевидно, без выдвижения он точно никогда не будет ли-

¹ Подробное обоснование этого подхода и развернутую классификацию вариантов смены лидера см. в предыдущих работах, выполненных в рамках данного проекта: [Панов, Сулимов, 2011; Панов, Сулимов, 2013].

дером, и именно это – *«первичное решение»* – следует взять за основу при классификации смены лидеров¹.

В каких-то случаях «первичное решение» и будет единственным, а все остальные окажутся лишь его процедурным «оформлением». Тогда субъектом решения по вопросу о новом лидере будет тот, кто принял «первичное решение», а все, кто участвует в остальных стадиях (обсуждение, голосование и т.д.), теряют качество субъектов. В других случаях решений может быть несколько. Например, в условиях реальной борьбы внутри элиты по поводу кандидатуры следующего лидера возможны *«вторичные решения»*, а реально конкурентные выборы можно рассматривать как *«итоговое решение»*, и избиратели в этом случае также являются субъектами решения по вопросу о новом лидере. Тем не менее безусловно необходимо в процессе смены лидера только «первичное решение».

«Первичное решение» всегда остается в компетенции элит и лидеров. Это позволяет выделить два больших класса вариантов смены лидера. В первом субъектом решения является прежний лидер, и достаточно очевидно, что именно этот (и только этот!) класс можно обозначить как вариант «преемник». Именно здесь и проявляется *качественная связь между предыдущим лидером и следующим*. Разумеется, если кроме «первичного решения» были и другие, они должны подтвердить первичное решение для того, чтобы операция «преемник» удалась. Высокая степень политического персонализма в данном случае будет заключаться в том, что общество и элиты *как бы* ожидают, что действующий лидер может / должен будет принимать «первичное решение», и оно входит в объем его «реальных» полномочий². Такие ожидания могут приводить к безусловному или условному согласию с его решением. «Итоговая» совокупность предпочтений и ожиданий множества разнообразных субъектов, формирующаяся в ходе реального поли-

¹ Следует опять-таки пояснить, что речь идет не о формальном выдвижении, а о фактическом решении, которое не всегда принимает тот, кто формально выдвигает кандидатуру, ситуация, аналогичная упомянутому предreshенному голосованию.

² Довольно очевидно, что в составе конституционных, т.е. формальных полномочий «первичное решение», в отличие от «нулевого», представить почти невозможно.

тического процесса, может быть передана через понятие «мандат», который общество «вручает» действующему лидеру: «безусловный» мандат или «условный» мандат на первичное решение¹.

Второй класс охватывает те случаи, когда субъектом первичного решения была элита, а не предыдущий лидер. При этом следует учитывать, какая именно часть элиты была субъектом решения: правящая, оппозиционная или контрэлита². Разумеется, в реальности всегда имеет место «серая зона» – случаи, которые находятся «между» («в промежутке») этими двумя классами. Здесь властная конфигурация такова, что и прежний лидер, и элитные акторы вносят значимый «вклад» в «первичное решение» вопроса о новом лидере³.

Что касается «нулевого», а также «вторичных» и «итоговых» решений, то по этой логике их следует учитывать в качестве второстепенных признаков для выделения подклассов. В рамках класса «преемники», например, на основании «нулевого решения» можно выделить такие подклассы, как: а) смерть предыдущего лидера и выполнение его «завещания» по поводу преемника («нулевое решение» отсутствует); б) добровольная отставка (субъектом нулевого решения является он сам); в) следование институцио-

¹ Но остается еще одно очень важное для рассматриваемых случаев (как станет ясно позже) условие – необходимо, чтобы действующий лидер захотел воспользоваться мандатом, предоставленным ему обществом и элитами.

² Надо отметить, что сама логика выделения возможных классов смены лидера более сложная, потому что речь идет о пересечении как минимум двух различий: 1) персональное vs групповое решение; 2) «правлящее» vs «желающие править». Но при проведении границы «преемник – непреемник» эту сложность нужно редуцировать. В эмпирическом отношении необходимо только учитывать, что новый лидер может истолковываться как «самовывдвиженец» (т.е. с акцентуацией персонального начала) из этих разных элитных групп.

³ Впрочем, это отнюдь не означает, что необходимо выделять еще один класс смены лидера по этому основанию. Граница между двумя классами определяется логикой классификации, точнее – тем критерием, который положен в основу классификации. Отнесение же эмпирических случаев к тому или иному классу в конечном счете определяется ответом на вопрос о том, является ли достаточно очевидным в публично-политическом смысле, что ключевую роль в определении персоны нового лидера сыграл прежний лидер или нет. В том же случае, если ответ на этот вопрос сам становится предметом политической борьбы, он просто трансформируется в вопрос о том, кто обладает достаточной силой, чтобы навязать остальным собственное представление о реальности.

нальным ограничениям по срокам полномочий; г) принудительная отставка: прежний лидер уходит под давлением своего же окружения, но «в обмен» на это добивается от них согласия назвать своего преемника. Другая линейка подклассов образуется, если взять за основу «вторичные» и «итоговое решение»: а) решение прежнего лидера относительно преемника не подвергается сомнению (своего рода «чистый преемник»); б) имеют место некоторые споры внутри правящей элиты, а быть может, даже раскол и явная борьба (здесь элитные группы становятся субъектом «вторичного решения»); в) преемник побеждает на конкурентных выборах (здесь реальное значение приобретает итоговое решение, а народ становится субъектом).

Аналогично разветвляется таксономия в рамках второго класса. Здесь наиболее типичные (но далеко не исчерпывающие собой все возможное разнообразие) варианты следующие: а) лидер не имеет безусловного мандата по кандидатуре того, кто будет следующим, т.е. не он – субъект первичного решения, а правящая элитная группа; б) прежний лидер умирает, не оставив «завещания», и субъектом решения опять же оказывается правящая элита; в) заговор или переворот (субъект решения – часть правящей группы); г) поражение действующего лидера на выборах (субъектами решения являются и оппозиция и народ, причем нулевое и итоговое решения здесь сливаются); д) «революционный вариант», когда прежний лидер вынужден уйти под давлением широкого массового движения (субъекты решения – контрэлита и народ)¹.

Смена лидера в странах Закавказья и Центральной Азии: Обзор случаев

Проанализируем под углом зрения представленной классификации случаи смены лидера, которые имели место в странах Закавказья и Центральной Азии в постсоветский период. Если взять в качестве точки отсчета 1990 г., когда состоялись выборы в республиканские Верховные советы, имевшие, пожалуй, ключевое

¹ Мы используем термин «революционный вариант» вместо понятия «революция» как более широкий и эмпирически очевидный и позволяющий избежать теоретических и политических дискуссий о границах применимости понятия «революция».

для распада советской системы значение, всего их насчитывается 15. Первый цикл смены лидеров (1990–1993) включает в себя семь случаев. При этом в трех странах (Казахстан, Узбекистан и Туркменистан) высшим партийным руководителям удалось сохранить, а в дальнейшем и стабилизировать власть. В Кыргызстане и Армении приход к власти первых постсоветских лидеров прошел относительно спокойно, путем победы оппозиции на выборах в республиканские Верховные советы. В трех случаях (Грузия, Азербайджан и Таджикистан) КПСС одержала победу на выборах в республиканские советы, но уже в 1991–1992 гг. бывшие партийные руководители были вынуждены уйти под жестким давлением оппозиции, что позволяет отнести эти случаи к «революционному варианту». В Таджикистане дело дошло даже до гражданской войны, а в Грузии и Азербайджане за этот период лидеры «революционным путем» сменились дважды, поскольку пришедшие к власти Гамсахурдия и Эльчибей не смогли стабилизировать ситуацию. Очень скоро они были фактически свергнуты, в результате чего у власти оказались бывшие партийные руководители этих республик, Шеварнадзе и Алиев.

Преобладание в первом цикле революционного варианта удивительно, поскольку смена лидеров в это время происходила в контексте глубокого политического кризиса и системных трансформаций. В этом плане первый цикл малоинтересен для данного исследования. Намного более показательны те восемь случаев смены лидера, которые произошли в посттрансформационный период¹. Их изучение показывает, во-первых, что страны Закавказья и Центральной Азии демонстрируют широкое разнообразие вариантов смены лидера. Практически все варианты из предложенной выше классификации имеют эмпирические референции. Во-вторых, хотя лишь один случай (Азербайджан) полностью соответствует варианту «преемник», в той или иной форме (потенциально, в виде

¹ Мы не учитываем переходный период 2010–2011 гг. в Кыргызстане, когда после второй революции действовали переходное правительство и президент переходного периода. В Грузии, напротив, мы учитываем случай 2012 г.: хотя Саакашвили пока остается президентом, после изменения Конституции, снизившего значимость президентского поста, и громкой победы на парламентских выборах 2012 г. оппозиции фактическим лидером страны стал Иванишвили.

контекста, на уровне интерпретаций и т.п.) этот вариант присутствует везде, кроме Грузии 2003 г.

В трех случаях из восьми смена лидера произошла в результате «цветных революций». При этом только «революция роз» 2003 г. в Грузии не имела никакого отношения к варианту «преемник». Что касается двух кыргызских случаев, по косвенным признакам можно достаточно уверенно предполагать, что действовавшие лидеры Акаев и Бакиев подспудно готовились к операции «преемник», по крайней мере, рассматривали ее как один из вариантов. К середине 2000-х годов Акаев, похоже, почувствовал, что его легитимность падает и, видимо, рассматривал возможность добровольного ухода из политики, продвигая на политическую арену своих детей – сына и дочь, которые в 2005 г. были избраны депутатами парламента. Массовые фальсификации на этих выборах, однако, стали поводом для «революции тюльпанов». Акаев вынужден был оставить власть, и президентский пост занял Бакиев, который, в свою очередь, начал выдвигать на ключевые властные позиции брата и сына. Особенно явно их влияние выросло после победы Бакиева на президентских выборах 2009 г. По мнению экспертов, он рассматривал вариант выдвижения на следующих президентских выборах (в 2014 г.) своего сына Максима, который к тому времени достигнет необходимого возраста (35 лет) [Ларин, 2010, с. 172]. Таким образом, обе кыргызские революции проходили в контексте потенциально возможного варианта «преемник» и, по большому счету, предотвратили его реализацию.

Смена лидера в Грузии в 2012 г. – единственный из всех рассматриваемых случаев поражения инкумбента на выборах – явным образом связан с вариантом «преемник». В Грузии конституционные ограничения не позволяют занимать президентскую должность более двух раз, и накануне нового электорального цикла (2012) Саакашвили принял решение перейти к парламентской форме правления, с тем чтобы после победы своей партии на парламентских выборах остаться у власти, заняв пост премьер-министра. На должность президента он планировал выдвинуть своего ближайшего сотрудника премьера Вано Мерабишвили. Как известно, подобный вариант в свое время активно обсуждался (но не был принят) накануне истечения второго президентского срока Владимира Путина. Его можно описывать в категории «преемник», но необходимо учитывать, что поскольку меняется форма правления, пре-

емнику передается лишь должностная позиция, но не власть, ибо центр власти смещается к другой позиции. Следовательно, это – особый вариант – «позиционный преемник». Тем не менее в Грузии эта операция сорвалась, так как на парламентских выборах в октябре 2012 г. победу над президентским «Единым национальным движением» одержал оппозиционный блок «Грузинская мечта», и президент был вынужден назначить премьер-министром лидера этого блока Бидзину Иванишвили.

Туркменский вариант не поддается серьезному анализу из-за запредельной закрытости страны и, соответственно, дефицита информации. Более или менее очевидной является лишь внешняя связь событий. Сапармурад Ниязов, установивший, по всеобщему признанию, самый жесткий из всех постсоветских стран политический режим, объявивший себя Туркменбаши – «отцом туркмен», казался «вечным», а его правление – самым стабильным. В 2006 г., однако, он неожиданно умер, и хотя по Конституции Туркменистан должен был возглавить председатель парламента Атаев, сразу после смерти Ниязова против него возбудили уголовное дело, а на пост президента был избран Гурбангулы Бердымухамедов, министр здравоохранения и личный врач Туркменбаши. Существуют две интерпретации этих событий, дающие разный результат в рамках нашей классификации. Одна заключается в том, что Ниязов был устранен физически, а Бердымухамедов был либо инициатором переворота, либо ставленником заговорщиков. Другая версия основывается на слухах о том, что Бердымухамедов – внебрачный сын Туркменбаши, и его номинирование с последующим безальтернативным избранием было результатом «политического завещания» Ниязова – в таком случае мы имеем специфический вариант преемника¹.

Самый очевидный и «чистый» вариант «преемник» осуществлен в Азербайджане в 2003 г. Перед очередными президентскими выборами, когда здоровье Гейдара Алиева резко пошатнулось, кандидатом в президенты был выдвинут не только он, но и

¹ К этому можно лишь добавить, что, строго говоря, вторая версия не противоречит первой, так как ничто не мешало сыну устранить отца насильственно независимо от того, было «завещание» или нет. И тогда получается, что безусловный мандат на «первичное решение» был дополнен «инициативным самовыдвижением» нового лидера.

его сын Ильхам Алиев. Затем Ильхам был назначен премьер-министром. Незадолго до выборов по государственному телевидению было зачитано обращение Гейдара Алиева, в котором он снимал свою кандидатуру с выборов и просил проголосовать за сына. Ильхам Алиев одержал безусловную победу, так что Гейдар Алиев реализовал свой безусловный мандат на «первичное решение».

Наиболее сложные для интерпретации случаи мы имеем в Армении. Второй президент страны – Роберт Кочарян – оказался у власти в результате весьма специфической ситуации, когда переизбранный в 1996 г. президентом Тер-Петросян в феврале 1998 г. досрочно подал в отставку в результате политического кризиса, и Кочарян, будучи премьер-министром, стал исполняющим обязанности президента с последующей победой на выборах. С вариантом «преемник» этот случай связывает то, что Кочарян был личной креатурой Тер-Петросяна. Именно Тер-Петросян в марте 1997 г. назначил Кочаряна, который был президентом Нагорно-Карабахской Республики, премьер-министром, дав тем самым старт политической карьере будущего президента в масштабе всей Армении. Вместе с тем ничто не указывает на то, что Тер-Петросян в тот момент действительно принял «первичное решение», едва ли он предполагал тогда, что спустя год будет вынужден покинуть пост президента. Более вероятно, что выдвижение Кочаряна (относительно слабого и / или компромиссного политика без серьезных собственных ресурсов) диктовалось логикой внутриэлитной борьбы в армянском руководстве¹. Кроме того, Кочарян выступил против президента в ходе конфликта по поводу варианта урегулирования ситуации с Нагорным Карабахом, в результате которого Тер-Петросян и был вынужден подать в отставку. Кочарян объединился с группой значимых персон (в их числе были «силовые» министры), которых обычно связывают с так называемым карабахским кланом. Есть версия, что они даже угрожали применить силу против президента. Тер-Петросян не стал доводить ситуацию до критической точки и ушел, *как бы* обнулив поле, на котором самым сильным игроком, в том числе в электоральном отношении, оказался Кочарян, обладавший как минимум

¹ Тем более, что после отставки президента исполнять его обязанности должен был не глава правительства, а спикер парламента, но в результате политического кризиса он был вынужден уйти вместе с Тер-Петросяном.

очень ценным в ситуации неопределенности статусным ресурсом – постом исполняющим обязанности президента.

В 2008 г. в силу известного конституционного ограничения (два срока президентских полномочий) уже сам Кочарян не мог участвовать в следующих президентских выборах и публично поддержал Сержа Саргсяна. Поэтому Саргсяна нередко рассматривают в качестве «преемника», однако в действительности он еще с середины 1990-х годов был серьезной самостоятельной фигурой, занимая разные министерские посты, а на общенациональный уровень из Карабаха поднялся даже раньше Кочаряна. В конфликте 1998 г. он также выступил против Тер-Петросяна. В 2007 г. Саргсян возглавил главную «партию власти» Армении – Республиканскую партию, которая во главе с ним в том же году победила на выборах в Национальное собрание, тогда как партия «Прцветающая Армения», с которой связывали действующего президента Кочаряна, пришла второй с более чем двукратным отставанием. Таким образом, первичное решение о выдвижении Саргсяна скорее следует интерпретировать, по выражению одного из экспертов, как результат «естественного отбора» внутри элиты и внутриэлитной договоренности. Кочарян лишь озвучил результат.

Итак, из всех рассмотренных случаев вариант «преемник» был реализован лишь однажды. В трех случаях его потенциальная возможность была сорвана «цветными революциями». Две смены лидера в Армении не соответствуют понятию «преемник», однако весьма показательно, что нередко они интерпретируются именно в этом ключе. Наконец, предстоящие в обозримом будущем смены лидера в Узбекистане и Казахстане также зачастую рассматриваются через призму преемника. Этот вариант расценивается экспертами как весьма вероятный, а нередко – и как наиболее предпочтительный с учетом того, что в противном случае смена лидера в этих странах чревата острым кризисом власти, противоборством элит и непредсказуемыми последствиями. Следовательно, по мере стабилизации персоналистских президенциалистских режимов вариант «преемник» становится типичным («нормальным») способом смены лидера, и эмпирический материал Закавказья и Центральной Азии позволяет дать ответ на вопрос, что способствует и что мешает реализации этого варианта.

Вариант «преемник»: Возможности и решения

Лидер и правящая элита. *Азербайджан* как единственный явный случай смены лидера в формате «преемник» доказывает, насколько важным условием для реализации этого варианта является авторитетность действующего лидера, его несомненное особое положение в правящей элитной группе. Именно таким лидером был бывший Первый секретарь ЦК КПА Гейдар Алиев, которого в условиях острого политического кризиса 1992–1993 гг. избрали председателем парламента, а затем и президентом. Алиев сумел стабилизировать ситуацию в стране. Было достигнуто перемирие в Карабахе, а в 1994 г. между Азербайджаном и 12 крупными нефтяными компаниями был подписан знаменитый «контракт века» о совместной разработке нескольких месторождений в азербайджанском секторе Каспия, заложивший основу бурного экономического роста 2000-х годов и притока нефтедолларов.

Судя по всему, Гейдар Алиев заранее позаботился о преемнике, выдвигая сына Ильхама на ключевые должности. Тем не менее, как свидетельствуют эксперты, persona Ильхама воспринималась (и воспринимается до сих пор) отнюдь не однозначно как в массах, так и в элитных кругах. Люди сомневаются прежде всего в его личных способностях, осуждают его за склонность к светским и помпезным мероприятиям, а сформировавшийся при Ильхаме политический режим характеризуют как «гламурную олигархию». Считается, что близкие к Гейдару Алиеву люди предлагали сделать преемником не Ильхама, а кого-то из ближайшего окружения, чаще всего называют имя министра здравоохранения Али Исанова как одного из лидеров «старой алиевской гвардии», создателей партии власти «Новый Азербайджан». Вероятно, лишь огромный авторитет прежнего лидера позволил ему настоять на собственном «первичном решении». Примечательно, что вскоре после прихода Ильхама к власти практически все «старогвардейцы» были арестованы.

Бассейн рекрутирования: «Династический вариант»? Казус Азербайджана высвечивает еще одну грань смены лидера, а именно бассейн рекрутирования вероятного преемника. На первый взгляд, в обществах с устойчивыми традиционалистскими связями выбор в качестве преемника близкого родственника – своего рода «династический вариант» – выглядит наиболее предпочтительно. Это делает смену лидера похожей на наследование, однако с той

принципиальной разницей, что при наследовании в чистом виде кандидатура следующего лидера задана сложившимся порядком наследования, т.е. субъект решения здесь фактически отсутствует, тогда как преемник-родственник – результат личного выбора уходящего лидера. Особенно естественным, несомненным выглядит выбор в пользу сына – и не только в глазах широких слоев населения, но и, что немаловажно, среди ближайшего окружения: кровное родство – совершенно понятный и очевидный признак – маркер, который очевидно выделяет претендента из ряда других.

Тем не менее мы видим, что даже в Азербайджане выбор в пользу сына не был однозначно благоприятным фактором для реализации варианта «преемник», хотя с династической точки зрения конкурентов у Ильхама не было. А примеры других стран показывают, что «диспозиция родственников» может быть куда как более сложной. Президент Таджикистана Рахмон, например, имеет девять детей (двое сыновей и семь дочерей). Отношения в семье сопровождаются многочисленными конфликтами, и назвать кого-то из родственников преемником означает для Рахмона спровоцировать внутрисемейный кризис, который неизбежно перерастет в политический. У лидеров Казахстана и Узбекистана другая проблема – отсутствие сыновей. Назарбаев в этой ситуации, судя по всему, поначалу делал ставку на зятя – мужа старшей дочери Рахата Алиева, но в 2007 г. Алиев был обвинен в уголовном преступлении, смещен со всех постов и был вынужден остаться за границей. У второго политического должностного лица – Ислама Каримова – в семейных отношениях проблемы иного плана. Каримов не жалуется своих родственников за исключением старшей дочери Гульнары, которая в последнее время проявляет бурную публичную активность, и это дает экспертам основание рассматривать ее как возможного преемника. Трудно сказать, насколько это соответствует представлениям самого Каримова. Ясно только, что в последние два года разговоры о преемнике явно активизировались, и кандидатура Каримовой, что бы там ни думал президент, обсуждается почти открыто (хотя и не публично).

Напрашивается вывод, что династический вариант с точки зрения реализации операции «преемник» амбивалентен. Значительно важнее, безусловно, особая позиция лидера в правящей элите, наличие или отсутствие у него мандата на выбор кандидатуры преемника. Именно благодаря такому мандату Гейдар Алиев

смог преодолеть сомнения по поводу сына. Разумеется, апостериори невозможно сказать, насколько этот мандат был безусловным. Вероятно, некие ограничения бассейна рекрутирования все же имели место. Преемник не может появиться «ниоткуда», он должен иметь какой-то политический опыт, уже занимать значимую политическую позицию, быть известным публике и т.д. Судя по всему, и Назарбаев с Каримовым в настоящее время обладают необходимым мандатом назвать преемника, поскольку даже их дочери рассматриваются в этом качестве.

Характер элитного поля. На решающее значение такого фактора, как взаимоотношения между лидером и правящей группой (правда, с противоположной стороны), указывают оба случая смены лидера в *Армении*. Мы не можем интерпретировать их как вариант «преемник» именно потому, что ни Тер-Петросян, ни Кочарян не обладали совершенно особым статусом в отношениях с правящей группой. Первый – интеллеktуал, ставший национальным лидером, – был вынужден выстраивать сложные коалиции с представителями значимых и автономных от него элитных сегментов, среди которых особенно выделялся так называемый карабахский клан (или карабахская группа), к которому принадлежали оба следующих президента Армении. Игнорировать эту группу, видимо, было совершенно невозможно в силу значимости того ресурса, которым она обладала. Природа этого ресурса не была в чистом виде военно-силовой, хотя речь идет о людях, которые поднялись на гребне победоносной войны в Карабахе и которые, как было сказано выше, могли как минимум угрожать применением силы во внутривнутриполитических делах. Но они пришли во внутриармянскую политику не во главе вооруженных отрядов, а как люди, обладавшие значимым для общества публично-репутационным ресурсом, который они успешно конвертировали в статусы и позиции. То есть с точки зрения природы ресурса они мало чем отличались от самого Тер-Петросяна и могли конкурировать с ним перед лицом общества в одном измерении.

При этом сама группа, похоже, носила характер «фронтального братства» (эту характеристику неоднократно воспроизводили эксперты), что, во-первых, отличает ее от действительно клановых, примордиалистских групп, но также и от групп по интересам, и, во-вторых, предполагает особый характер отношений внутри нее самой, когда даже безусловные лидеры в некотором важном отно-

шении все равно остаются лишь первыми среди равных. Поэтому Кочарян, когда пришла его очередь, был, видимо, не только вынужден, но и внутренне готов считаться с амбициями и интересами других. И наоборот, его контрагенты готовы считаться с интересами уже отставного президента, так как, насколько можно судить, Кочарян во время президентства приобрел значительные материальные ресурсы, которые остались с ним после ухода с должности.

Примечательно, что и Тер-Петросян спустя значительный период после своей отставки возвращался в политику и хотя поставленных целей не достиг, не выглядел аутсайдером и, главное, имел возможность для респектабельного возвращения. В этом проявляется важная особенность армянской политической жизни – отставная элита не уничтожается ни политически, ни экономически или как-либо еще, но сохраняет возможность автономного существования и при удачном случае может иметь возможность вернуться. Иногда почти триумфально. Так, на последних президентских выборах 19 февраля 2013 г. второе место вслед за действующим президентом Саргсяном (58,64%) занял лидер партии «Наследие» Раффи Ованнисян (36,75%), который родился и вырос в США, вернулся на историческую родину в 1990 г. и некоторое время даже был министром иностранных дел Армении. Он был одним из немногих видных представителей диаспоры, которые после возвращения на волне первоначального подъема остались в стране до настоящего времени. Но важно, что на весь этот период он нашел для себя публично-политическую нишу и в определенный момент смог добиться серьезного успеха.

Все это указывает на важное обстоятельство – эшелонированность, насыщенность, плотность армянской публично-политической элитной среды. При этом представители этой среды готовы играть по формализованным правилам (до некоторой степени), не ставя под угрозу целостность политического единства общества (несмотря на регулярные волнения в электоральный период)¹. Так или иначе, характер элитного поля, полиархичность армянской политики, которая подпитывается если не расколом, то идейно-мировоззренческой трещиной в армянском обществе по поводу урегулирова-

¹ Уже было отмечено, что в 2007 г. фактическое внутреннее соперничество групп Кочаряна и Саргсяна приняло форму публично-политического соперничества их партий на парламентских выборах.

ния карабахского кризиса¹, делает малореальными перспективы варианта «преемник» и в 2018 г., т.е. после окончания второго президентского срока Саргсяна.

Сегментация элит и оппозиция. Анализ трех случаев, когда попытки действующих лидеров оставить после себя преемника (Кыргызстан, Грузия) не были реализованы, доказывает, что одно из основных препятствий для реализации варианта «преемник» – наличие в политической системе страны серьезной оппозиции. Оппозиция в данном отношении имеет значение не столько в нормативистской логике конкурентной демократической политики, сколько в логике *публично-политической формализации сегментации элит*. Уже в армянском случае можно было видеть, что такая сегментация проявляется в публичной плоскости, хотя в не очень отчетливом виде, почему и принято считать, что оппозиция в более обиходном смысле этого слова в Армении слаба. В Кыргызстане и Грузии сегментация проявляется в публичной плоскости намного более отчетливо.

Эти два случая особенно важны еще по одной причине: они показывают, что оппозиция, а точнее – лежащая в ее основе сегментация элит может иметь различную природу, в том числе клановую. Следует отметить, что о клановой политике можно говорить тогда, когда политические взаимодействия осмысливаются акторами в духе лояльности своему клану, т.е. элитные группы воспроизводят клановые связи, идентичности в политических практиках. Это выражается в назначении на руководящие должности, в распределении ресурсов, предпочтений и т.д. Разумеется, в чистом виде клановые связи в настоящее время не существуют. Они как минимум дополняются другими типами связей (инструментально-рыночные, клиентелистские, политико-идеологические). Тем не менее роль клановости в этой комбинации может быть разной. В Казахстане и Узбекистане, например, действующие политические лидеры предпринимают вполне определенные усилия, чтобы элиминировать (или, по крайней мере, держать под контро-

¹ Одна из причин успеха Ованнисяна состоит в обещании почти радикальных решений в отношении Нагорного Карабаха. Рано или поздно этот вопрос должен быть решен, по крайней мере среди молодого поколения растет ожидание такого решения. А для армянского общества этот вопрос настолько важен, что решить его кулуарно не удастся.

лем) политическое значение кланов. Это выражается, в частности, в кадровой политике (горизонтальные перемещения региональных и местных руководителей), в рационализации системы государственной службы и т.д. В других центральноазиатских республиках ситуация иная, здесь клановые структуры сохраняют политическое значение, они чаще воспроизводятся в политических практиках и влияют на структурирование элит.

Поскольку примордиалистская по своей природе клановая идентичность значительно «сильнее», интенсивнее, чем другие идентичности, она делает элитные группы более устойчивыми, и в этих условиях ключевое значение приобретает конфигурация элитной структуры. Когда какой-то один клан явно доминирует (как, например, ахалтекинцы в Туркменистане), для возникновения оппозиции нет оснований. Но в *Кыргызстане*, где «север» и «юг» по своему потенциалу примерно равны, именно клановая структура в значительной мере стала основой для оппозиции. Здесь противостояние по линии «север – юг» проявилось еще на выборах 1990 г. В советское время северные элиты были ущемлены, и в условиях перестройки они поддержали «реформаторское крыло», тогда как «юг» оставался на стороне консервативно настроенного лидера республиканской компартии Масалиева [Борисов, 2006, с. 101]. В этих условиях академик Аскар Акаев выглядел компромиссной фигурой и на заседании парламента в октябре 1990 г. был избран президентом. Спустя год, уже после провозглашения независимости, он получил более 95% голосов на первых прямых президентских выборах.

Политика Акаева была достаточно противоречивой. С одной стороны, он заложил определенные традиции политических свобод, и Кыргызстан до сих пор остается самой свободной страной в Центральной Азии (независимые СМИ, общественно-политические организации и т.д.). С другой стороны, в его политике достаточно отчетливо проявлялась клановость. Особое недовольство вызывали нараставшие экономические аппетиты близких родственников Акаева. Относительная свобода и дуалистическая конфигурация кланов в сочетании с ущемлением «южан» дали результат в виде «революции тюльпанов». Возможно, ко времени революции Акаев уже не был не только национальным лидером, но и полноценным лидером «северян», так как зона его ресурсного ареала сузилась до размеров его собственной семьи.

Бакиев, пришедший к власти на волне критики акаевской семейственности, первое время вел себя относительно скромно. Кроме того, он был вынужден делить власть с популярным, особенно на севере, Феликсом Куловым, в связке с которым ему удалось выиграть президентские выборы. Но уже в конце 2006 г., после того как правительство Кулова ушло в отставку, началась очень быстрая эволюция в сторону клановой политики. Братья Бакиева, особенно Жаныш, а также его сын стали заниматься теми же рейдерскими захватами бизнеса, в которых в последние годы обвиняли родственников Акаева. Кадровая политика Бакиева и его окружения состояла в выдвижении на руководящие должности выходцев с «юга» – преимущественно из Джалал-Абадской и Ошской областей [Ларин, 2010, с. 168–169]. Итогом эволюции режима Бакиева, структурно очень похожей, только в ускоренном варианте, на эволюцию режима Акаева, стала вторая кыргызская революция. Таким образом, традиция публичного противостояния в Кыргызстане уже сложилась, оно стало нормальным способом «согласования» позиций. Это делает смену лидера по варианту «преемник» маловероятной.

В Грузии причины силы оппозиции совсем иные, и лежат они в особенностях публично-политической элитной среды. Структурно ситуация напоминает таковую в Армении, только с большей публичной акцентуацией. В Грузии можно наблюдать достаточно многочисленный, если не полностью профессиональный, то «профессионализированный» «политический класс». Принципиальная его особенность заключается в том типе ресурса, которым он оперирует и которым живет. Этот ресурс – публичность и публичная деятельность как таковая в противопоставлении экономическим, статусным и прочим ресурсам. Не вдаваясь здесь в причины такой «повышенной» публичности грузинской жизни¹, можно зафиксировать, что в Грузии публичная деятельность (даже риторическая) одобряется обществом. Очень показателен пример Бидзины Иванишвили, который, до того как ворваться в грузинскую политику в 2012 г., заработал хорошую репутацию в обществе своей благотворительной деятельностью (церкви, больницы и прочие публич-

¹ Эксперты в поисках объяснений отсылали и к традициям грузинской государственности, и к традициям грузинского застолья, и даже к известному факту о непропорционально высокой доле выходцев из Грузии среди «воров в законе» и т.д.

ные заведения). Разумеется, расходование финансового ресурса миллиардером имело значение, но признание он заслужил не этим, а публичным участием в общественных делах.

Сама логика существования такого политического класса препятствует его консолидации, иначе публичность, всегда основанная на несогласии и полемичности, теряет смысл, а представители класса – возможность собственного воспроизводства. Представляется, что в значительной мере в силу этого Шеварнадзе так и не смог сконцентрировать власть, и его коалиционное построение распалось в начале 2000-х годов, когда выходцы из правящей группы – Саакашвили, Бурджанадзе и другие – перешли в оппозицию и провели «революцию роз». Характерно, что и Саакашвили тоже не смог консолидировать элиту, скорее он лишь снял остроту публичной значимости ее сегментации за счет мощного модернизационного рывка, которым он увлек грузинское общество. Мобилизационный запал, однако, не мог продолжаться бесконечно, и на парламентских выборах 2012 г. оппозиционная часть элиты нашла поддержку у большей части грузинского общества. Примечательно, что она победила именно в наиболее «публичнопродвинутых» городских районах страны, включая Тбилиси, тогда как электоральной базой «либерала-западника» Саакашвили осталась сельская Грузия и районы национальных меньшинств.

Таким образом, не важно, какова природа элитных сегментов, принципиальное значение имеет само наличие сегментации элит, постоянно воспроизводимой в противостоянии правящей группы и оппозиции. Под этим углом зрения достаточно проблематично выглядят перспективы варианта «преемник» в еще одной стране, где сложилась достаточно сильная оппозиция, – в *Таджикистане*. Как и в Кыргызстане, она имеет сильную клановую составляющую, причем Таджикистан в этом отношении дает не дуалистическую, а более сложную (несколько клановых групп) конфигурацию клановой структуры. В значительной мере именно межклановые противоречия привели к гражданской войне 1992–1997 гг., победу в которой одержал так называемый кулябский клан, представитель которого, Эмомали Рахмон, в 1994 г. был избран президентом. В его действиях явно прослеживается клановая политика. Выходцы из кулябского клана расставляются на ключевые должности, особенно в силовых структурах. Правда, в последние годы должности получают не столько кулябцы, сколько более

узкая группа – выходцы из Дангаринского района, и в особенности многочисленные родственники Рахмона, его сестры, жены, женатых (замужних) детей. Можно даже предположить, что Рахмон повторяет траекторию Акаева и Бакиева с точки зрения постепенной замены клановой опоры на более узкую семейную. Это не означает, что события обязательно развернутся по варианту соседней страны, но такая вероятность существует, тем более что среди кулябцев, как говорят эксперты, есть некоторое недовольство.

Структурно ситуация в Таджикистане отличается наличием явной и очень серьезной оппозиционной силы в виде Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), которая еще во время войны в 1990-е годы была ключевым актором объединенной оппозиции. Нельзя не отметить, что Таджикистан – единственная страна на постсоветском пространстве, где одна из основных партий является исламской. Хотя изначально социальная база ПИВТ имела достаточно явную клановую привязку (гармцы), теперь в условиях роста влияния ислама в таджикском обществе это уже не является определяющим.

Судя по всему, большое значение для политического процесса в Таджикистане имел тот факт, что гражданская война была прекращена заключением мирного соглашения, по которому объединенная оппозиция получала 30% мест в органах исполнительной власти. Несмотря на то что постепенно Рахмону удалось вытеснить оппозиционеров со значимых постов, компромиссная модель взаимодействия между властью и оппозицией сохраняет значение, тем более в условиях, когда ПИВТ очевидно имеет существенную поддержку в обществе. С другой стороны, и ПИВТ проводит умеренную политику. Хотя в партии присутствуют различные, в том числе радикально-исламистские, течения, лидер ПИВТ Мухиддин Кабири характеризуется как весьма гибкий политик, тонко чувствующий политическую ситуацию. В итоге на протяжении уже более чем полутора десятков лет стороны умудряются мирно сосуществовать, они очевидно научились договариваться, находить компромиссы и не делать резких движений¹.

«Дилемма персоналистского лидера». В двух из восьми стран Закавказья и Центральной Азии – *Казахстане и Узбекиста-*

¹ Примечательно, что именно прекращение гражданской войны и сохранение мира Рахмон ставит себе в главную заслугу, и это, пожалуй, самый сильный аргумент в усилиях по легитимации его власти.

не – у власти все еще находятся советские лидеры. Но хотя случаев смены лидера здесь пока нет, в силу возраста обоих «президентов-долгожителей» этот вопрос явно стоит в политической повестке. Как уже отмечалось, в обеих странах велики ожидания, что Назарбаев и Каримов назовут кого-либо в качестве своих преемников, и вопрос, кого именно, уже несколько лет занимает умы экспертов. В пользу возможности операции «преемник» в Казахстане и Узбекистане говорит многое: не вызывает сомнений, что оба президента имеют огромный авторитет и явно занимают особое положение в правящей группе. В частности, это проявляется в том, что они могут позволить себе весьма радикальную кадровую политику, лично регулярно производят «чистки» среди руководителей высшего и среднего звена. Тот факт, что в обществе обсуждают возможность прихода к власти дочерей Назарбаева и Каримова, также указывает на совершенно особую роль двух президентов. Это не значит, что они имеют безусловный мандат на определение персоны преемника, поскольку невозможно предсказать, какова будет реакция общества и элит в случае варианта с дочерьми. Важно, однако, то, что общество и элиты допускают саму возможность такого варианта. Наконец, в обеих странах отсутствует сколько-нибудь значимая оппозиция, хотя, разумеется, это отнюдь не означает, что в ситуации смены лидера не может произойти раскол элит.

В то же время специалисты допускают и такой вариант, что преемник вообще не будет назван, и это позволяет прояснить еще один важный фактор, влияющий на формат смены лидера. Как справедливо отмечают казахские политологи, анализируя ситуацию, с которой сталкиваются авторитарные лидеры, «с одной стороны, преемник нужен. Может так случиться, что придется отдавать власть при жизни, так лучше отдать ее надежному человеку, который не создаст проблем после ухода из власти... Но с преемником связаны и большие опасности, потому что он – прямая угроза власти (даже жизни) правителя. Где гарантия, что преемник не станет торопить свой приход к власти? А где гарантия, что преемник не станет преследовать тебя после ухода из власти?.. Словом, преемник – это риск, и большой. Лучше не рисковать, тем более если власть крепка и ситуация не поджигает. Правитель предпочитает отложить вопрос о преемнике на будущее, а то и вообще оставить его без решения» [«Сумеречная зона», или «Ловушки» переходного периода, 2013, с. 30].

Таким образом, персоналистский лидер оказывается перед весьма непростой дилеммой: «называть» преемника либо оставить вопрос открытым. В значительной мере «дилемма» связана с самой природой персоналистских режимов. С одной стороны, необходимым условием для смены лидера по варианту «преемник» (и даже для появления его потенциального варианта) является политический персонализм. С другой стороны, в силу своей природы персоналистский режим предполагает, что ключевые нити в руководстве страной замыкаются на действующем лидере персонально. Соответственно, решение назвать преемника оказывается достаточно опасным. Помимо вполне обоснованных личных страхов, принятие решения о кандидатуре преемника является угрозой для персоналистской системы в целом. Наиболее важные политические проекты, равно как и межэлитные соглашения, реализуются под персональные гарантии лидера, и его уход неизбежно ставит их под удар. Более того, определение преемника провоцирует напряжения (а порой и раскол) в правящей элите. Как правило, ни одна кандидатура преемника не может устроить всех, какая-то часть элиты чувствует себя ущемленной. Если даже действующий лидер рассматривается всеми членами элиты как безусловный авторитет, это не может мгновенно транслироваться на названного им преемника, который в глазах элиты является в лучшем случае «первым среди равных». Наконец, легитимация всей системы в значительной мере строится на персоне действующего лидера. Его предстоящий «уход» неизбежно (по крайней мере, на какое-то время) ослабляет систему и тем самым открывает окно возможностей для политической оппозиции, в том числе в плане политической мобилизации части населения, потенциально настроенной против существующего режима.

* * *

Проведенное исследование подтверждает тезис, что персонализм – необходимое, но недостаточное условие для смены лидера по варианту «преемник». Распространенность в обществе и элитах ожиданий того, что действующий лидер должен или может принять «первичное решение» по поводу кандидатуры следующего лидера, не гарантирует реализации соответствующего «полномочия». Последнее определяется, во-первых, готовностью самого ли-

дера воспользоваться этой возможностью (его политический персонализм в отношении лидерства может быть исполнен *иным* образом), а во-вторых, тем, как общество и элиты воспримут сделанное лидером предложение, т.е. интерпретируют его в данных конкретных обстоятельствах и условиях. В прогнозном ключе это означает, например, что успех операции «преемник» в Узбекистане и Казахстане не предопределен, несмотря на высокую степень политического персонализма.

Персоналистский лидер должен иметь мандат на принятие «первичного решения», другое дело, что этот мандат может быть разным с точки зрения условности / безусловности. При этом границы возможного («условность мандата») не предзаданы и не фиксированы, а подвижны и определяются политической ситуацией и контекстом. Об этом свидетельствуют опыты (реальные и потенциальные) с реализацией «династического варианта преемника». Чем безусловнее мандат, тем менее важно, является ли преемник родственником. В то же время, если мандат обусловлен какими-то ограничениями, они отнюдь не обязательно связаны с родственными отношениями.

Кроме того, следует учитывать, что общество и элиты неоднородны, и вопрос о наличии / отсутствии мандата на «первичное решение» всегда политически проблематичен. Именно здесь у персоналистского президенциализма обнаруживаются пределы. Ключевым препятствием для реализации варианта «преемник» оказывается публично-политическая сегментация элит. Независимо от того, какова ее природа (партийно-идеологическая, конфессиональная, клановая, рыночно-инструментальная и т.д.), сегментация элит принципиально меняет политическое пространство, в котором действует политический лидер. Иначе говоря, в публичном пространстве имеется вполне определенный сегмент (сегменты), для которого передача власти преемнику очевидно неприемлема. Как минимум это ставит под сомнение мандат лидера на «первичное решение». Как максимум – блокируется попытка провести операцию «преемник».

Наконец, еще одно ограничение персоналистского президенциализма в ситуации смены лидера связано с его внутренними противоречиями. Замкнутость принципиальных политических решений на персону лидера делает «первичное решение» о кандидатуре следующего лидера опасным как для самого лидера, так и для

системы в целом, и далеко не все лидеры в этой ситуации *решаются* представить своего преемника элитам и публике, даже обладая возможностью сделать это.

Литература

- Борисов Н.А.* Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // *Полития*. – М., 2011. – № 4. – С. 93–103.
- Борисов Н.А.* Особенности трансформации политических систем центральноазиатских государств // *Полития*. – 2006. – № 3. – С. 96–111.
- Дахин А.В.* Смена высших политических команд в России: Анализ одной политологической гипотезы // *Политическая наука*. – 2012. – № 1. – С. 69–80.
- Ларин А.Ю.* Вторая киргизская: Как власть создает революционную ситуацию // *Политические исследования*. – 2010. – № 6. – С. 162–176.
- Макашкин А.* Постсоветское пространство: Авторитаризм и компромиссы // *Неприкосновенный запас*. – 2011. – № 6. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/ma21-pr.html> (Дата посещения: 03.08.2013.)
- Панов П.В., Сулимов К.А.* Преемничество как способ воспроизводства власти: Проблемы концептуализации // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. – 2011. – № 4. – С. 31–42.
- Панов П.В., Сулимов К.А.* «Преемник» vs. «преемничество»: В контексте разнообразия вариантов смены политических лидеров // *Власть и элиты* / под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2013. – Вып. 1. – В печати.
- «Сумеречная зона», или «Ловушки» переходного периода / Сатпаев Д., Умбеталиева Т., Чеботарев А., Жумалы Р. – Алматы: Альянс аналитических организаций, 2013. – 264 с.
- MacLachlan C.* A history of modern Brazil: The past against the future. – Wilmington: Scholarly resources, 2003. – 262 p.
- Political succession in East Africa: In search for a limited leadership / C. Peter, F. Kopsieker (eds). – Nairobi: Friedrich Ebert Stiftung, Kenya Office, 2006. – 150 p.
- Legacies of power: Leadership change an former presidents in African politics / R. Southall, H. Melber (eds). – Cape Town: The Nordic Africa Institute, 2006. – 350 p.